

Татарский И. А. О сатире Сервантеса (Дон-Кихот) на рыцарскую романтику средних веков: [Актовая речь] // Богословский вестник 1895. Т. 1. № 1. С. 55–78 (2-я пагин.). (Начало.)

О сатиру Сервантеса (Донъ-Кихотъ) на рыцарскую романтику среднихъ вѣковъ ¹⁾.

Если мы обратимъ вниманіе въ исторіи европейской литературы на переходъ отъ шестнадцатаго столѣтія къ семнадцатому, то встрѣтимъ здѣсь двухъ великихъ поэтовъ, значеніе которыхъ, важное для ихъ современниковъ, неизмѣнно сохранилось до настоящаго времени и, безъ сомнѣнія, далеко еще должно простираться и въ будущемъ. Это были Сервантесъ въ Испаніи и Шекспиръ въ Англіи. Одинаково свободные отъ непосредственнаго вліянія образцовъ классической литературы, Сервантесъ и Шекспиръ, въ тоже время, находятся въ болѣе или менѣе рѣшительномъ противорѣчьи и съ литературнымъ наслѣдіемъ среднихъ вѣковъ. Отсюда ихъ произведенія, исполненныя глубокаго національнаго характера и проникнутыя новыми стремленіями, справедливо разсматриваются нѣкоторыми критиками „какъ родъ литературнаго введенія къ новой эрѣ народовъ“ ²⁾.

Конечно, нельзя въ этомъ отношеніи ставить Сервантеса на одномъ уровнѣ съ Шекспиромъ: размѣрами, глубиною и могуществомъ поэтическаго творчества знаменитый англичанинъ далеко превосходитъ испанца. Тѣмъ не менѣе и Сервантесъ, подобно Шекспиру, явился провозвѣстникомъ новыхъ началъ въ излюбленной имъ сферѣ искусства и,

¹⁾ Актовая рѣчь по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, произнесенная въ сокращенномъ видѣ на торжественномъ собраніи 1-го Октября.

²⁾ E. Dühring: Die Grössen der modernen Literatur, B. I, p. 49.

если Шекспиръ считается творцомъ новоевропейской драмы, то Сервантеса по справедливости слѣдуетъ признать первымъ выдающимся представителемъ новаго романа въ Европѣ. Такое важное значеніе приобрѣлъ Сервантесъ исключительно своимъ романомъ „Донъ-Кихотъ Ламанчскій“, на который поэтому мы и обратимъ свое вниманіе. — Правда, кромѣ этого романа, Сервантесу принадлежитъ довольно значительное число произведеній и при томъ не только въ повѣствовательномъ, но и въ драматическомъ родѣ ¹⁾. Но всѣ эти произведенія, свидѣтельствуя отдѣльными своими сторонами о личной гениальности поэта, ничѣмъ почти не возвышаются надъ общимъ состояніемъ тогдашней литературы въ Испаніи. Если гдѣ Сервантесъ не только обнаружилъ явное превосходство надъ современными ему поэтами, но и стужалъ себѣ всемірную извѣстность, то это, безъ сомнѣнія, въ своемъ знаменитомъ „Донъ-Кихотѣ“.

Романъ Сервантеса „Донъ-Кихотъ“, первая часть котораго появилась въ 1605 году, представляетъ собою бессмертное произведеніе, которое можетъ быть названо не только первымъ классическимъ образцомъ новаго романа, но и вообще однимъ изъ прекраснѣйшихъ романовъ въ мірѣ. Возникнувъ подъ вліяніемъ частныхъ условій своенародной испанской литературы, произведеніе это сразу заняло почетное мѣсто не только въ исторіи національной поэзіи испанцевъ, но и въ литературахъ всѣхъ образованныхъ народовъ Европы, — и вотъ уже почти три столѣтія неизмѣнно убѣждаютъ насъ въ его непроходящемъ значеніи. — Причина столь высокой славы „Донъ-Кихота“ заключается

¹⁾ Изъ драматическихъ сочиненій, которыхъ Сервантесъ написалъ числомъ свыше двадцати, сохранилось до нашего времени только два: „Жизнь въ Алжирѣ“ и „Нуманція“. Но изъ нихъ открывается, что онъ вовсе не обладалъ драматическимъ талантомъ и потому вскорѣ былъ совершенно подавленъ на этомъ поприщѣ младшимъ современникомъ своимъ, знаменитымъ драматургомъ Лопе де-Вегаю. Въ повѣствовательномъ родѣ, кромѣ „Донъ-Кихота“, Сервантесу принадлежатъ слѣдующія произведенія: романъ „Галатея“, написанный въ духѣ тогдашнихъ пасторалей; „Наставительныя повѣсти“, числомъ двѣнадцать, изданныя въ одномъ томѣ; „Путешествіе на Парнасъ“, представляющее стихотворную сатиру на современныхъ бездарныхъ поэтовъ и романъ „Персилесъ и Сигизмунда“, въ которомъ Сервантесъ захотѣлъ представить образецъ серьезнаго романа, въ противоположность „Донъ-Кихоту“.

сколько въ глубоко-національномъ достоинствѣ этого романа, столько же и въ міровомъ, общечеловѣческомъ значеніи типовъ, воспроизведенныхъ въ немъ съ неподражаемою художественностію. Съ одной стороны, въ „Донъ-Кихотѣ“ мы видимъ совершенное отраженіе тѣхъ особенныхъ условій, въ которыхъ находилась тогдашняя литература Испаніи, гдѣ появленіе его произвело рѣшительный переворотъ, съ другой—подъ формою разсказа о явленіяхъ взятыхъ изъ національной жизни въ немъ раскрывается широкій кругъ общезначительныхъ идей, ставящихъ его въ разрядъ произведеній для всѣхъ временъ и народовъ.—Этимъ открывается двойственная точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ разсматривать знаменитое произведеніе Сервантеса,—какъ частное явленіе въ развитіи національной испанской поэзіи и какъ высокій творческій продуктъ гения, слагающійся въ великую сокровищницу міровой, общечеловѣческой литературы.

I.

По своему частному національному значенію „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса составляетъ, какъ извѣстно, комическую пародію на чрезвычайно распространенныя тогда въ Испаніи рыцарскіе романы и потому можетъ быть правильно понимаемъ только чрезъ разсмотрѣніе его особеннаго отношенія къ этимъ послѣднимъ. „Кто хочетъ разсматривать и понимать „Донъ-Кихота“ какъ самобытное произведеніе въ отдѣльности отъ его отношенія къ рыцарскимъ романамъ“, говоритъ Клярусъ, „тотъ никогда не будетъ въ состояніи постигнуть его особенное значеніе, которое всецѣло основывается на отношеніи, въ какомъ онъ стоитъ къ рыцарскимъ исторіямъ, которыя Сервантесъ нашель еще какъ общераспространенное чтеніе народа и совершенно устранилъ своею мастерскою композиціею“¹⁾. Извѣстно, что эти рыцарскіе исторіи составляли, вообще, одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ въ поэтической литературѣ среднихъ вѣ-

¹⁾ L. Clarus: Darstellung der Spauischen Literatur im Mittelalter, p. 309.

ковъ, благодаря, именно, широкому развитію рыцарства и его приключеній въ общественной жизни того времени.— Рыцарство—это, можно сказать, жизнь средних вѣковъ, выразившаяся въ дѣйствіи. Оно служило опорой государямъ, поддерживало независимость безчисленныхъ мелкихъ владѣтелей: вся огромная система средневѣковаго феодализма, по ея возникновеніи, обязана была своимъ процвѣтаніемъ, именно, рыцарству. Въ особенности, такъ называемое, странствующее рыцарство имѣло здѣсь важное значеніе и посреди міра, не приведеннаго еще въ строгій государственный порядокъ, образовало состояніе общества близко напоминающее вѣкъ героическій. Въ эпоху, когда еще не сложилась въ Европѣ правильная государственная жизнь, когда въ ней господствовало кулачное право, доставляя сильному полную свободу отъ закона, призваніе странствующаго рыцарства—силою меча поддерживать во всемъ справедливость, придавало ему глубокой нравственный смыслъ и высокое поэтическое обаяніе. Получая въ особомъ рыцарскомъ посвященіи чуть-ли не религіозную санкцію, оно поставляло своею высшею задачею, ни болѣе, ни менѣе, какъ устроеніе царства мира въ нѣдрахъ раздора и водвореніе на землѣ неба съ его чистотою и святостію. Прекрасно характеризуетъ эту идеальную миссію средневѣковаго странствующаго рыцарства Сервантесъ, когда устами Донъ-Кихота сравниваетъ его даже съ монашествомъ. „Мы рыцари и воины“, говоритъ у него этотъ послѣдній, „странствуя подъ жгучими лучами лѣтняго солнца и студенымъ небомъ зимы, беззащитные отъ одного и другаго, стремимся мужествомъ и остріемъ нашихъ мечей выполнить на дѣлѣ то, о чемъ духовные упоминаютъ лишь въ своихъ молитвахъ. Мы на землѣ орудія Божіей власти, мы исполнители Его верховныхъ велѣній. И такъ какъ ратные подвиги покупаются цѣною тягостныхъ трудовъ, лишеній, пота и крови, то подвиги воиновъ тяжелѣе поэтому, подвиговъ иноковъ. возносящихъ изъ мирныхъ келій своихъ теплыя молитвы къ небу, да явитъ оно свою милость всѣмъ нуждающимся въ ней. Я не говорю, что званіе странствующаго рыцаря такъ же свято, какъ званіе монаха, но утверждаю, указывая на труды, неразлучные съ нашимъ званіемъ, что жизнь рыцаря тяжелѣе, болѣе подвержена опасностямъ и лишеніямъ:

голоду, холоду и инымъ земнымъ бѣдствіямъ“¹⁾). Не удивительно, что при столь важномъ значеніи странствующаго рыцарства въ средніе вѣка, оно доставляло цѣлостный матеріалъ для поэтической фантазіи тогдашнихъ трубадуровъ и минезенгеровъ, воспѣвавшихъ воинскіе подвиги отдѣльныхъ рыцарей—ихъ приключенія, турниры и празднества, или въ звучныхъ стихахъ или въ прозаической формѣ романа. Этимъ путемъ образовались въ средніе вѣка огромные циклы рыцарски-романическихъ сказаній, распространенныхъ по всемъ странамъ Европы и имѣвшихъ своими главными центрами сказанія о Карлѣ Великомъ и его палadiniахъ и о королѣ Артурѣ и его рыцаряхъ Круглаго Стола. Позднѣе, когда крестовые походы необычайно возвысили обаяніе странствующаго рыцарства, породивъ вездѣ усиленную страсть къ приключеніямъ, значеніе рыцарскаго романа въ Европѣ еще болѣе усилилось.

Но, будучи литературнымъ достояніемъ всей Европы вообще, рыцарскіе исторіи, ко времени Сервантеса, получили наибольшее распространеніе въ Испаніи, въ слѣдствіе особенно энергическаго проявленія рыцарства въ этой странѣ.—Въ то время, какъ во всей остальной Европѣ, съ началомъ пятнадцатаго столѣтія, рыцарство находилось уже въ упадкѣ, въ Испаніи, въ соревнованіи съ Маврами, оно продолжало еще процвѣтать. Здѣсь, при содѣйствіи благородныхъ національныхъ особенностей, при продолжительномъ напряженіи въ непрестанной борьбѣ съ невѣрными, рыцарство достигло своего проявленія въ такой чистотѣ, въ такомъ прекраснѣйшемъ союзѣ съ патриотизмомъ и религіозною вѣрою, какъ ни въ какой другой странѣ Европы. Имѣя въ ближайшемъ сосѣдствѣ невѣрныхъ, испанскіе христіане не должны были отъискивать ихъ на Иорданѣ и прежде чѣмъ могли замыслить исторженіе Святой земли изъ рукъ мусульманъ, должны были освободить отъ завоевателей собственное отечество. Съ другой стороны, постоянное присутствіе чуждыхъ рыцарей всѣхъ націй, которые въ Испаніи могли заслужить себѣ славу въ борьбѣ съ невѣр-

¹⁾ Донъ-Кихоть. Переводъ Карелина, исправленный и дополненный Зотовымъ: изданіе 4-е иллюстрированное. СПб. 1893 г. I т. 78 стр. срав. 2 т. 5 стр.

ными, возвышало здѣсь рыцарскій духъ, привносило къ нему новые элементы, восполнявшіе его общій характеръ и значеніе.

Вотъ почему, когда съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ культурно-историческихъ условій страны, рыцарство должно было сойти со сцены, въ Испаніи, болѣе чѣмъ въ какой либо другой странѣ Европы, чувствовалось стремленіе увѣковѣчить явленія минувшей героической дѣйствительности въ безчисленномъ множествѣ романтическихъ вымысловъ. Отъ этого, ко времени Сервантеса, въ Испаніи образовалась цѣлая обширная отрасль литературы совершенно особаго рода, въ которой идеализированныя черты минувшаго рыцарства въ пылкой фантазіи поэтовъ возводились до чудовищныхъ размѣровъ. Съ легкой руки португальца Васко де Лобейры, сочинителя приключеній Амадиса Гальскаго ¹⁾, здѣсь появились безчисленныя произведенія въ томъ же родѣ, частію мѣстнаго происхожденія, частію же перешедшія изъ сосѣдней Франціи. Изъ числа первыхъ наиболѣе распространенными были: рыцарскія сказанія о Тирантѣ Бѣломъ, о мощномъ рыцарѣ Кларибалтѣ, о королѣ Кларисмундѣ, о Беліанисѣ, Эспландіанѣ, Анаксартесѣ, Лизуартѣ Греческомъ, Флоризелѣ Никейскомъ,—исторіи: Олифанта Лаурскаго, Пальмерина Оливскаго, рыцаря Флоримона, Пальмерина Англійскаго, принца Феликса—Марса Гирканскаго, непобѣдимаго рыцаря Леполема, рыцаря Кристаліана Испанскаго, Флорамбета Луккскаго и другія. Когда же рыцарскіе романы сдѣлались въ Испаніи моднымъ

¹⁾ Амадисъ Гальскій, признаваемый лучшимъ изъ всѣхъ рыцарскихъ романовъ, написанъ былъ Васко де Лобейрою около 1390 года; испанская обработка его была сдѣлана между 1492 и 1504 г. Горсіемъ Ордоньезомъ де Монтальво. Слѣдуетъ замѣтить, что и самъ Сервантесъ, такъ жестоко осмѣявшій рыцарскую романтику, не совѣмъ былъ равнодушенъ къ достоинствамъ этого романа. Когда священникъ и цирюльникъ приступили у него къ очищенію бібліотеки Донъ-Кихота, то первая книга, поданная цирюльникомъ оказалась, именно, „Амадисъ Гальскій“. „Говорятъ“, замѣтилъ при этомъ священникъ, „что Амадисъ Гальскій былъ первою рыцарскою исторіею, напечатанною въ Испаніи, послуживъ образцомъ для всѣхъ другихъ. Сжечь ее я нахожу не лишнимъ, какъ основательницу вредной секты“.—„Пощадите ее, сказала цирюльница, многіе увѣряютъ, будто онъ лучшая изъ рыцарскихъ книгъ“.—„Да: какъ образецъ, она заслуживаетъ прощенія, отвѣчалъ священникъ“. См. Донъ-Кихотъ, I т. 35 стр.

чтениемъ, то изъ Франціи сюда проникли романтическіе вымыслы, относящіеся къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ и о Кругломъ Столѣ. Это были романы: Тристанъ, Изольда, Ланцелотъ, сага о Мерлинѣ, о Святомъ Граалѣ, исторія о Флорѣ и Бланкафлорѣ и о прекрасной Магелонѣ ¹⁾. Джоржъ Тикноръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ испанской литературы, свидѣтельствуетъ, что „оставивъ въ сторонѣ семейства Амадисовъ и Пальмериновъ, однихъ чисто испанскихъ романовъ, появившихся въ теченіе XVI вѣка, не трудно насчитать до пятидесяти названій“ ²⁾.

Общій характеръ всѣхъ этихъ произведеній составляетъ произвольная игра фантазіи, которая, совершенно отрѣшаясь отъ основаній дѣйствительности, поставляла ее въ какомъ-то чудномъ фантастическомъ пространствѣ, гдѣ совершенно утрачивалъ свое значеніе всякій масштабъ, которымъ обыкновенно соразмѣряется человѣческая жизнь. Всѣ историческія данныя, составляющія объективныя основанія эпического искусства, совершенно вытѣсняемы были здѣсь субъективными вымыслами поэтовъ, которые распоряжаясь безотчетно фактами исторіи и географіи, пользовались ими только какъ интересными украшениями для убранства разсказа по собственному вкусу. Даже общія формы проявленія всего чувственнаго — пространство и время не были обязательны для сочинителей рыцарскихъ романовъ: они безпрестанно нарушали правильное теченіе законовъ природы, отказывая въ должномъ подчиненіи имъ всякаго мгновенія. Поэтому, вполне предоставленный случайности ходъ исторіи вообще не слѣдовалъ здѣсь никакому понятному правилу и вовсе не представлялъ собою поэтическаго единства, образующаго характеръ эпоса. Здѣсь никогда не выступала лежащая во всеобщемъ міроправленіи необходимость, которая управляетъ въ эпосѣ судьбою недѣлимаго и подчиняетъ жизнь людей всеобщей силѣ; все лежало здѣсь, напротивъ, въ рукѣ и волѣ недѣлимаго, котораго и дѣятельность опредѣлялась не какимъ-либо внѣшнимъ или внутреннимъ закономъ, но просто случаемъ, или, что тоже,

¹⁾ L. Clarus: Darstellung der spanischen Literatur im Mittelalter, p. 323, 324.

²⁾ Тикноръ: Исторія испанской литературы. I т. 199, 200 стр.

причудливой фантазіей поэтовъ. Мастера въ чудовищномъ, они не задумывались посредствомъ волшебствъ и магическихъ силъ представить возможными самыя неслыханныя вещи, тѣмъ, конечно, выигрывали полноту необыкновенныхъ рыцарскихъ приключеній, но за то всегда нарушали связь и единство своихъ вымысловъ и чрезъ то совершенно устранили возможность всякаго эстетическаго удовлетворенія.

И такъ, вотъ какого рода произведенія составляли въ эпоху Сервантеса излюбленное чтеніе всей испанской публики, начиная отъ бѣдной хижины простодушнаго вилана и восходя до пышныхъ дворцовъ великолѣпныхъ испанскихъ грандовъ ¹⁾.—Понятно что такія фантастическія измышленія могли оказывать лишь самое вредное вліяніе на вкусъ читающей публики, тѣмъ болѣе, что многіе вѣрили этимъ измышленіямъ совершенно серьезно, принимая ихъ за дѣйствительно происходившія событія. Такъ, достовѣрный исто-

¹⁾ О необыкновенномъ распространеніи чтенія рыцарскихъ романовъ въ испанскомъ обществѣ того времени достаточно привести слѣдующія данныя: Гевара, придворный ученый Карла V, свидѣтельствуешь, „что въ его время, публика ничего не читала, кромѣ такихъ постыдныхъ книгъ, какъ Амадисъ Гальскій, Тристанъ, Прималеонъ и тому подобныя“. Хуанъ Санчесъ Вальдесъ де ля Плата въ 1595 году жалуется, „что молодые люди и дѣвушки, даже люди зрѣлаго возраста тратятъ свое время на чтеніе книгъ, которыя съ полнымъ правомъ могутъ быть названы сборниками проповѣдей сатаны; онѣ преисполнены хвастовствомъ и геральдическими бреднями разныхъ Амадисовъ, Эспландіановъ и имъ подобныхъ бродягъ, набивающими головы читателей ложью и вздорными фантазіями, что составляетъ вещь очень желательную дьяволу“. Объ увлеченіи рыцарскими исторіями простого народа можно находить свидѣтельства въ самомъ „Донъ-Кихотъ“, особенно въ заявленіяхъ трактирщика и его служанки Мариторны (см. I т. 32 гл.), а что этого увлеченія не чужды были и высшіе классы, это видно изъ слѣдующаго анекдота: одинъ рыцарь, вернувшись однажды домой съ охоты, услышалъ вопли жены, дочерей и ихъ служанокъ. Удивленный и опечаленный онъ спросилъ ихъ: „не умеръ ли кто изъ дѣтей или родственниковъ?“ „Нѣтъ“, отвѣчали онѣ, рыдая. „Такъ отчего же вы такъ плачете?“ снова спросилъ онъ еще болѣе удивленный. „Ахъ“, отвѣчали онѣ, „Амадисъ умеръ!“—Мало того: большимъ почитателемъ рыцарскихъ романовъ былъ самъ король Карль V; такъ что однажды сестра его, королева Венгрии, чтобы угодить брату, устроила въ г. Бенсѣ во Фландріи празднество, на которомъ представленъ былъ въ лицахъ одинъ изъ рыцарскихъ романовъ, причемъ дѣятельное участіе въ представленіи принималъ даже Филиппъ II.—Эти и другія указанія см. Тикноръ: ист. исп. литер. I т. 208, 209 стр. ср. II т. 124, 125 стр.

ріографъ Карла V, Мексія, говоря объ Амадисахъ, Лизуартахъ и Кларіонахъ, сообщаетъ въ 1545 году, что „ихъ авторы тратятъ время и способности на сочиненіе книгъ, которыя читаются всѣми и которымъ многіе вѣрятъ; ибо“, продолжаетъ онъ, „есть люди, которые думаютъ, что всѣ эти вещи случались въ дѣйствительности, хотя большая часть такихъ разсказовъ въ сущности ничто иное, какъ рядъ грѣховныхъ, безнравственныхъ и неприличныхъ вымысловъ“. Другой лѣтописецъ, Юліанъ дель Кастильо, совершенно серьезно разсказываетъ въ 1587 году, что король Филиппъ II, вступая въ бракъ съ Маріей Англійской, выразилъ готовность уступить королю Артуру свой тронъ, если бы тотъ явился его потребовать: стало бы вѣрили, что романтическія саги о королѣ Артурѣ и его Кругломъ Столѣ—совершенная правда ¹⁾.

Очевидно, такимъ образомъ, что рыцарскіе романы морочили испанскую публику своими блестящими вымыслами, вводя ее въ сферу совершенно отступающую отъ дѣйствительности и показывая ей какъ образецъ, чуждый міръ и людей, подобныхъ которымъ никогда не было, да и быть не должно. Они возбуждали въ ней мечтательное воодушевленіе къ расплывающимся, безформеннымъ образамъ фантазіи, къ длинному каталогу возвышенныхъ рыцарскихъ добродѣтелей, которыя хвастливо рисуются въ туманной области видѣній. Своими непрерывными чудесами они экзальтировали и безъ того уже пылкую фантазію своихъ читателей: дамы сверхъестественной красоты, князья, короли, императоры съ неслыханною силою, турниры, завоеванія, чрезвычайные подвиги, желѣзные башни, кристалльные дворцы, горящія смоляныя озера, страшныя пустыни, плавающіе острова, развѣзжающія по воздуху колесницы, чародѣи и колдуньи, чудовища, карлы, великаны, драконы крылатые кони и тому подобные предметы составляли содержаніе книгъ, распространеніе которыхъ естественно должно было повлечь за собою полнѣйшее извращеніе вкуса.

Лучшіе и разумнѣйшіе люди эпохи ясно сознавали это зло и старались всячески воспрепятствовать его распространенію. Одни изъ нихъ требовали сожженія всѣхъ ры-

¹⁾ Д. Тикноръ: ист. испан. литер. I т. 207 стр.

царскихъ книгъ; другіе громили ихъ обличеніями съ церковныхъ каедръ. Даже само законодательство вынуждено было, наконецъ, принять въ этомъ участіе и въ 1553 году особымъ королевскимъ декретомъ запрещено было ихъ печатаніе, чтеніе и продажа въ американскихъ владѣніяхъ Испаніи. Въ 1555 году королевскіе кортесы рѣшительно потребовали распространенія этого запрещенія и на метрополию, мотивируя свое рѣшеніе вредомъ рыцарскихъ книгъ для юношества обоюго пола, — и только въ слѣдствіе отреченія короля отъ престола въ томъ-же году ихъ требованіе не было приведено въ исполненіе. — Но всѣ мѣры были безплодны противъ этого болѣзненнаго явленія, проложившаго себѣ путь даже во внутренность женскихъ монастырей. Оставалось еще одно только средство, правда, самое вѣрное, но котораго до сихъ поръ никто еще не могъ примѣнить къ дѣлу, — это, именно, бичъ сатиры.

Сервантесъ былъ тотъ писатель, который въ Испаніи ¹⁾ впервые возымѣлъ эту мысль и въ своемъ романѣ „Донъ-

¹⁾ Говоримъ—въ Испаніи; потому что отрицательное отношеніе къ рыцарской романтикѣ проявилось въ Италіи гораздо ранѣе Сервантеса, именно, въ самомъ началѣ шестнадцатаго вѣка. Вообще, съ возрожденіемъ наукъ, при многосторонности развитія, какое получила тогда религіозная и общественная жизнь, нравы и социальныя отношенія, — разнообразныя рыцарскія приключенія среднихъ вѣковъ, ихъ фантастика, формальная самостоятельность и особенность рыцарства среди широкаго разлива національныхъ интересовъ должны были сами собою потерять въ сознаніи общества свое прежнее обаяніе и важность. Но такъ какъ, не смотря на совершавшееся обновленіе, рыцарство, всетаки, продолжало еще жить частію въ воспоминаніяхъ, частію же въ нравахъ; то отсюда и явилась потребность совершенно устранить въ литературѣ этотъ нѣкогда важный міръ, раскрывъ его, именно, съ комической точки зрѣнія. Эту роль въ Италіи усвоилъ себѣ отчасти знаменитый эпическій поэтъ Людовико Аріосто, заявившій (1505—1515 г.) ироническое отношеніе къ рыцарству въ своемъ „Неистовомъ Роландѣ“. Въ этой поэмѣ Аріосто впервые посмотрѣлъ на странствующее рыцарство не какъ на важную какую нибудь дѣйствительность, а какъ на шаткую и зыбкую область фантазіи, которую и освѣщаетъ веселою шуткой. Но здѣсь-то критика и усматриваетъ капитальную ошибку Аріосто. При такомъ настроеніи, ему или новсе не слѣдовало избирать предметомъ своей поэмы то рыцарство, въ которомъ онъ находилъ одну только нелѣпость прошедшаго, уже побѣжденную настоящимъ; или же, избравъ его, писать не серьезную эпическую поэму, а просто пародію на рыцарски—романтическій эпосъ въ томъ духѣ, какъ выполнилъ ее Сервантесъ. Но Аріосто не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Самъ не вѣря въ рыцарство и даже насмѣхаясь

Кихоть“ мастерски и необыкновенно художественно ее выполнилъ. Въ этомъ заключается великое національное значеніе „Донъ-Кихота“ и безсмертная историческая заслуга Сервантеса.—На уничтоженіе рыцарской романтики, какъ на ближайшую цѣль своего произведенія, неоднократно указываетъ въ немъ самъ Сервантесъ. Такъ, въ предисловіи къ первой части „Донъ-Кихота“ онъ прямо заявляетъ, что онъ имѣлъ намѣреніе „уничтожить авторитетъ рыцарскихъ романовъ въ народѣ и закрыть имъ доступъ въ свѣтъ“,—что онъ постарается „въ конецъ разрушить преграждающій валъ, созданный рыцарскими романами, осуждаемыми столькими людьми и хвалимыми еще большимъ числомъ“ ¹⁾. Въ началѣ второй части его онъ влагаетъ въ уста Донъ-Діего де-Мирандо слѣдующія слова, обращенныя къ Донъ-Кихоту: „дай Богъ, чтобы эта исторія (разумѣется первая часть „Донъ-Кихота“), какъ вы говорите, уже напечатанная, вашихъ столько же великихъ, сколько истинныхъ дѣлъ, похоронила на вѣки самую память о безчисленныхъ подвигахъ разныхъ жерыцарей, которыми нѣкогда полонъ былъ міръ, въ ущербъ истинно благороднымъ дѣламъ и истиннымъ исторіямъ“ ²⁾. Наконецъ, въ заключеніе своего романа Сервантесъ, съ признаніемъ блистательно выполненной имъ задачи, прибавляетъ: „единымъ моимъ желаніемъ было предать всеобщему посмѣянію сумасбродно лживыя рыцарскія книги, и пораженные на смерть истинной исторіей моего Донъ-Кихота, онѣ тащатся уже пошатываясь, скоро падутъ и во вѣки не поднимутся“ ³⁾.—И дѣйствительно, въ своемъ „Донъ-Кихотѣ“ Сервантесъ, посредствомъ пародіи, возвелъ всю рыцарскую романтику на такую вершину, гдѣ она неминуемо должна была опрокинуться и исчезнуть навсегда.

надъ нимъ, онъ задумалъ, гѣмъ не менѣе, создать серьезную романтическую поему и отнять весь интересъ у своего произведенія, взглянувъ иронически на его содержаніе.—Такимъ образомъ, не только для Испаніи, но и для всей вообще Европы, Сервантесъ является первымъ замѣчательнымъ поэтомъ, ставшимъ въ открытую и рѣшительную борьбу съ рыцарскою романтикой.

¹⁾ Донъ-Кихоть, 1 т., прологъ XXXI стр.

²⁾ Донъ-Кихоть, 2 т. 112—113 стр.

³⁾ Донъ-Кихоть, 2 т. 544 стр.

Планъ, съ помощію котораго Сорвантесъ достигъ этой ближайшей своей задачи, какъ все истинно гениальное; столько же простъ, сколько и оригиналенъ. Именно, онъ изображаетъ намъ одного мелкаго провинціального дворянина изъ Ла-Манча человѣкомъ отъ природы умнымъ, мужественнымъ и благороднымъ, но впавшимъ въ состояніе умственнаго растройства отъ постоянного чтенія нелѣпныхъ рыцарскихъ романовъ. Распаленная этими романами фантазія его до такой степени сбивается съ толку, что онъ, принимая все вычитанное имъ за истину, самъ чувствуетъ, наконецъ, призваніе сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ, на подобіе описанныхъ. И вотъ онъ рѣшается пуститься въ свѣтъ на искательство приключеній, имѣя возвышенное намѣреніе защищать угнетенныхъ, наказывать притѣснителей и вообще совершать различные подвиги, сколько во имя всеобщаго блага, столько же и для собственной славы. Украсивъ себя удивительнѣйшимъ вооруженіемъ изъ стараго и новаго времени, онъ, чтобы явиться полнымъ рыцаремъ, выбираетъ изъ среды своихъ сосѣдей оруженосца. Это—небогатый крестьянинъ, по имени Санчо Панса, представляющій изъ себя странную смѣсь лукавства и добродушія. Мѣшковатый, обжорливый и болтливый, онъ отличается безконечною преданостію своему господину, хотя и слѣдуетъ за нимъ изъ эгоистическихъ расчетовъ. Суевѣрный и въ высшей степени невѣжественный, Санчо Панса иногда довольно сообразителенъ для того, чтобы видѣть нелѣпое въ своемъ положеніи, но всегда забавенъ и смѣшонъ, какъ только станеть его объяснять.—Оба они, нимало не сомнѣваясь въ важности задуманнаго ими предпріятія, выѣзжаютъ теперь изъ своей деревни на произвольное странствованіе, въ теченіе котораго самые обыкновенные предметы и происшествія представляются болѣзненному воображенію рыцаря въ свѣтѣ излюбленной имъ рыцарской романтики. Онъ принимаетъ, на примѣръ, вѣтряныя мельницы за великановъ, самый обыкновенный трактиръ за рыцарскій замокъ, стада барановъ за двѣ готовые сразиться между собою арміи, галерныхъ преступниковъ за угнетенныхъ благородныхъ лицъ: тогда какъ его оруженосецъ, одновременно съ нимъ, съ необыкновенною наивностію и вовсе не подозрѣвая своего юмора, стоящаго въ рѣзкой противо-

положности съ блестящими фикціями его господина, — переводить весь этотъ фантастическій бредъ на прозу обыденной дѣйствительности,

Вообще Донъ-Кихоть и Санчо-Панса представляютъ совершенную противоположность другъ другу и, если справедливо, что эффектъ комическаго возбуждается въ насъ представленіемъ несомвѣстимыхъ вещей, объединенныхъ въ одномъ цѣломъ, то можно сказать, что Сервантесъ ничего удачнѣе въ этомъ отношеніи не могъ и придумать, какъ этотъ живой и разносторонній контрастъ между оруженосцемъ и его господиномъ. Впечатлѣніе комическаго еще болѣе усиливается здѣсь отъ того, что рыцарь всегда успѣваетъ убѣдить своего оруженосца въ томъ, что всѣ неблагоприятныя столкновенія ихъ съ дѣйствительностію суть ничто иное, какъ хитрыя продѣлки или магическія очарованія преслѣдующихъ его злыхъ волшебниковъ, ревнующихъ къ его великому имени и желающихъ лишить его славы великихъ дѣлъ. Вотъ почему, не смотря на всѣ иреретрпѣваемые ими неудачи, они всетаки продолжаютъ переходить отъ одного нелѣпаго приключенія къ другому, пока не возвращены, наконецъ, домой какъ безумцы.—Здѣсь Сервантесъ оставляетъ своихъ героевъ въ концѣ первой части своего романа сказавъ, однакоже, что исторія ихъ приключеній далеко еще не окончилась. Этимъ поэтъ далъ понять своимъ современникамъ, что имъ слѣдовало ожидать отъ него еще второй части „Донъ Кихота“, какъ окончательнаго завершенія комическихъ подвиговъ фантастическаго рыцаря.

Это вторая часть произведенія Сервантеса появилась на свѣтъ въ 1615 году, то есть, спустя десять лѣтъ послѣ изданія первой. Въ такой длинный періодъ времени случилось одно обстоятельство, сильно повліявшее на ея содержаніе и общій характеръ, о которомъ поэтому и невозможно умолчать.—Неизвѣстный авторъ, принявшій на себя имя Алонсо Фернандесъ де-Авелланада, пользуясь необыкновенною популярностію первой части „Донъ-Кихота“, издалъ въ 1614 году книгу, нагло назвавъ ее „Вторымъ томомъ славнаго рыцаря Донъ-Кихота Ламанческаго“. Этотъ Авелланада, подъ которымъ скрывался, какъ полагаютъ, монахъ доминиканскаго ордена, былъ личнымъ врагомъ

Сервантеса, когда тотъ находился въ алжирской неволѣ и потому, кромѣ такой безсовѣстной поддѣлки, злобно нападаетъ на него въ предисловіи къ своей книгѣ, издѣваясь надъ его бѣдностію, старческимъ возрастомъ и даже надъ заслуживающими всякаго уваженія ранами его, полученными въ знаменитой Лепантской битвѣ ¹⁾. Но что всего удивительнѣе, онъ, очевидно, нашелъ возможность познакомиться съ содержаніемъ подлинной второй части „Донъ-Кихота“, тогда еще находившейся въ рукописи и даже неоконченной Сервантесомъ. По крайнѣй мѣрѣ, въ его поддѣлкѣ нѣкоторыя приключенія изображаются довольно сходно съ тѣмъ, что мы находимъ у Сервантеса, конечно, безъ свойственной этому послѣднему задумчивости и глубины. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что онъ оказался даже не въ состояніи понять основной характеръ произведенія Сервантеса и изобразилъ намъ Донъ-Кихота какимъ-то глупцомъ, вовсе не привлекающимъ къ себѣ нашего сочувствія и самымъ жалкимъ образомъ оканчивающимъ свои приключенія заключеніемъ въ сумашедшемъ домѣ. Правда Санчо Панса представленъ у него нѣсколько удачнѣе, но за то грязнымъ до безобразія въ своихъ разговорахъ. Ясно, что анонимный авторъ, не имѣя самъ поэтическаго таланта, поставилъ своею задачею только воспрепятствовать литературнымъ успѣхамъ Сервантеса ²⁾.

Естественно, что такой наглый литературный подлогъ, оскорбивъ чувство авторскаго достоинства въ поэтѣ, заставилъ его поспѣшить окончаніемъ собственной книги. Сервантесъ узналъ о немъ въ то время, когда подошелъ уже къ 59 главѣ второй части „Донъ-Кихота“ и съ этого момента онъ начинаетъ вплетать въ послѣдующее ея содержаніе болѣе или менѣе удачныя выходки противъ Авелланеды. Мало того: во избѣжаніе сходства съ Авелланедою, онъ измѣнилъ даже первоначально задуманный планъ своего произведенія. Извѣстно, что въ началѣ второй части своего

¹⁾ Объ этихъ вѣдостоянныхъ нападкахъ можно судить по содержанію предисловія ко второй части „Донъ-Кихота“, гдѣ Сервантесъ, защищаясь отъ нихъ, дѣлаетъ анонимному автору исполненную благороднаго негодованія, хотя и довольно рѣзкую отвѣдь. П т. IV—VIII стр.

²⁾ Объ этой поддѣлкѣ Авелланеды см. Dunlop: Geschichte der Prosadichtungen, p 333, 334; ср. Тикноръ: истор. испан. литер. 2., 127—129 стр.

романа Сервантесъ направляетъ Донъ-Кихота въ Сарагоссу для присутствія на турнирахъ; но теперь узнавъ, что тоже самое сдѣлалъ уже Авелланеда, онъ заставляетъ рыцаря воскликнуть: „въ такомъ случаѣ я не поѣду въ Сарагоссу, я обнаружу предъ цѣлымъ свѣтомъ ложь этой исторіи: пусть убѣдится міръ, что я не тотъ Донъ-Кихоть, о которомъ пишетъ этотъ самозванный историкъ“¹⁾). Въмѣсто Сарагоссы, рыцарь отправляется у него, какъ извѣстно, въ Барселону. Наконецъ, имѣя въ виду, что Авелланеда въ предисловіи къ своей книгѣ общалъ читателямъ еще третью часть „Донъ-Кихота“, въ которой надѣялся изобразить похождения рыцаря въ старой Кастиліи, — Сервантесъ, чтобы предотвратить ея появленіе, сдѣлалъ такъ, что въ заключительной главѣ его романа рыцарь совершенно исцѣляется отъ сумасшествія, раскаявается въ своихъ сумасбродствахъ и за тѣмъ спокойно умираетъ въ своей деревнѣ²⁾). — Таково было значеніе книги, злославно выпущенной Авелланедою, о которой едвали бы и сохранились до насъ какія либо извѣстія, если бы она не была такъ тѣсно связана съ знаменитымъ произведеніемъ Сервантеса.

Этотъ же десятилѣтній промежутокъ времени между обѣими частями „Донъ-Кихота“ былъ причиною и того обстоятельства, что онѣ значительно различаются по своему общему характеру. Въ то время, какъ первая часть его обработана Сервантесомъ преимущественно въ шутовскомъ тонѣ и рисуешь намъ картины, полныя самаго увлекательнаго

1) Донъ-Кихоть, 2 т. 442 стр.

2) Что именно, желаніе уничтожить всякую возможность дальнѣйшаго продолженія походовъ Донъ-Кихота побудило Сервантеса подобнымъ образомъ окончить свой романъ, это очевидно изъ слѣдующихъ прощальныхъ его словъ, обращенныхъ къ своему перу: „О перо мое, хорошо или дурно очевидное, — не знаю, отнынѣ станешь висѣть ты на этой мѣдной проволоцѣ, и проживешь на ней многіе и многіе вѣка, если только не сниметь и не освѣрнитъ тебя какой нибудь бездарный историкъ... Если ты когда нибудь его встрѣтишь, то скажи ему, пусть не тревожитъ онъ усталыхъ и уже тлѣющихъ костей Донъ-Кихота; пусть не ведегъ онъ его, на перекоръ самой смерти въ старую Кастилію, вызывая его изъ могилы, гдѣ онъ лежитъ вытянутымъ во весь ростъ, не имѣя возможности совершить уже третій выѣздъ. Чтобы осмѣять всѣ выѣзды странствующихъ рыцарей, довольно и тѣхъ двухъ, которые онъ совершилъ на удивленіе и удовольствіе всѣмъ до кого достигла вѣсть о немъ въ близкихъ и далекихъ краяхъ... см. „Донъ-Кихоть“, II ч. 544 стр.

юмора, — во второй части замѣчается повсюду глубокая сосредоточенность поэта, свидѣтельствующая объ его болѣе философскомъ настроеніи. — Что касается ихъ сравнительной оцѣнки въ художественномъ отношеніи, то большинство критиковъ отдаетъ первой части „Донъ-Кихота“ рѣшительное предпочтеніе предъ второю. Правда, приключенія, изображаемые въ этой послѣдней, отличаются болѣе романтическимъ характеромъ; но за то ей не достаетъ того блестящаго веселаго колорита и полноты мѣстныхъ красокъ, которые создали необычайную популярность первой части „Донъ-Кихота“, сдѣлавъ ее источникомъ народныхъ пословицъ и поговорокъ. Кромѣ упомянутыхъ насмѣшливыхъ выходокъ противъ Авелланеды, нарушающихъ необходимое спокойствіе эпического повѣствованія, художественному значенію второй части „Донъ-Кихота“ въ особенности повредили недостойныя мистификаціи, устроенныя герцогской четой надъ рыцаремъ и наполняющія едва ли не большую ея половину. „Очевидно“, говоритъ Дюнлопъ, „что фантастическія представленія, которыя сами собою возбуждаются въ въ мозгу Донъ-Кихота видомъ натуральныхъ предметовъ, гораздо занимательнѣе для насъ тѣхъ, которыя создаются въ немъ искусственнымъ образомъ и чрезъ вмѣшательство другихъ лицъ“¹⁾. И дѣйствительно пока Донъ-Кихотъ самостоятельно превращаетъ предметы подъ вліяніемъ романтическихъ грезъ, наполняющихъ его голову, мы еще способны потѣшаться надъ этимъ; но какъ скоро надъ нимъ удаются самыя грубыя дурачества постороннихъ лицъ, онъ тотчасъ же ниспадаетъ въ уровень простого сумасшедшаго и мы начинаемъ чувствовать, что комедія уже превращается здѣсь въ трагедію. Повидимому, это сознавалъ отчасти и самъ Сервантесъ и потому подъ конецъ этихъ издѣвательствъ онъ не преминулъ замѣтить, „что мистификаторы и мистифируемые были одинаково безумны и что герцогъ и герцогиня не могли придумать ничего глупѣе, какъ насмѣхаться надъ двумя безумцами“²⁾.

Но какъ-бы то ни было, Сервантесъ блистательно выполнилъ поставленную имъ національную задачу и въ обѣихъ

1) Dunlop. Geschichte der Prosadichtungen, p. 333.

2) Донъ-Кихотъ: II ч. 515 стр.

частяхъ „Донъ-Кихота“ наглядно представилъ современному обществу страшный вредъ, происходящій отъ пагубной страсти его къ рыцарскимъ исторіямъ. Именно, на примѣрѣ своего героя, онъ показалъ здѣсь, какъ отъ природы здравый и трезвый разумъ могъ впасть чрезъ подобное чтеніе въ состояніе въ высшей степени вредной и прискорбной мономаніи. Съ другой стороны, очевидно, что здѣсь рукою искусною нанесенъ былъ мѣткій и рѣшительный ударъ всей рыцарской романтикѣ; такъ какъ изъ безсмертныхъ подвиговъ Донъ-Кихота всякій читатель могъ убѣдиться, что дѣтское исканіе приключеній и вообще всѣ очарованія, которыя постоянно окружали странствующихъ рыцарей, суть ничто иное, какъ самое наглое поруганіе дѣйствительности. „Оттого“, говоритъ Шмидтъ, „Донъ-Кихотъ и встрѣчаетъ вездѣ палочные удары и синія пятна вмѣсто ранъ отъ мѣчей, странствующихъ мирныхъ женщинъ, вмѣсто угнетенныхъ дѣвъ, стада барановъ, вмѣсто сражающихся войскъ,— что онъ непрестанно покоится своимъ воображеніемъ въ области рыцарской поэзіи. Кто, не имѣя точки опоры, совершенно уходитъ, подобно Донъ-Кихоту, въ эту страну грѣзь, тотъ, безъ сомнѣнія, вопреки своему важному достоинству и пылкому воодушевленію къ справедливости, долженъ очутиться въ состояніи того ослѣпленія, и умопомѣшательства, гдѣ чрезмѣрность притязаній и преувеличеніе собственныхъ силъ повергають его въ грязь пошлости и карають его бессмысленное мечтаніе ¹⁾).

Но, если злосчастная судьба Донъ-Кихота представляется слишкомъ поучительною, чтобы дѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на литературный вкусъ испанской публики, то сатира Сервантеса на рыцарскую романтику становится еще болѣе дѣйствительною отъ того, что всѣ фантастическія идеи и приключенія ея героя находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ тѣми, которыя изображены въ рыцарскихъ исторіяхъ. По всему видно, что эти послѣднія были самымъ тщательнымъ образомъ изучены Сервантесомъ; такъ какъ ему необходимо было владѣть матеріаломъ съ полною свободою, чтобы съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ сдѣ-

¹⁾ См. L. Clarus: Darstellung der spanischen Literatur im Mittelalter, p. 308.

латъ смѣшными отдѣльными стороны различныхъ романтическихъ сказаній. Донъ-Кихоть вовсе не является у него одинокимъ со своими безумствами, но поставляется въ самую тѣсную связь съ цѣлымъ сонмомъ романтическихъ героевъ, на которыхъ онъ постоянно и ссылается какъ на поучительные образцы для своихъ собственныхъ похощеній. Онъ, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ объясняетъ принятое имъ на себя званіе странствующаго рыцаря встрѣтившимся ему на дорогѣ пастухамъ: „Вы вѣроятно знакомы съ англійскими лѣтописями, повѣствующими такъ часто о подвигахъ Артура.... Во время этого-то славнаго короля основанъ былъ орденъ рыцарей круглаго стола, и это же время было временемъ любви Ланцелота и королевы Жениевры... Съ тѣхъ поръ рыцарство болѣе и болѣе возвышалось, распространяясь по всѣмъ концамъ земли; и подъ сѣнью его сдѣлались безсмертными Амадисъ Гальскій, со своими потомками до пятаго поколѣнія; мужественный Феликсъ Марсъ Гиркапскій, знаменитый Тирантъ Бѣлый и, наконецъ, непобѣдимый Донъ-Беліанисъ Греческій, который прославился почти уже въ наши дни. Вотъ, господа, лица, которыхъ я называю странствующими рыцарями; вотъ орденъ, которому, хотя грѣшный, принадлежу и я, стремясь по мѣрѣ силъ моихъ исполнять высокія обязанности, завѣщанныя намъ великими рыцарями минувшихъ вѣковъ¹⁾...“

При этомъ Сервантесъ, какъ и слѣдовало ожидать, ставитъ приключенія своего героя въ особенно близкое соотношеніе съ тѣми изъ рыцарскихъ романовъ, которые имѣли наибольшее распространеніе въ Испаніи и преимущественно съ важнѣйшимъ и популярнѣйшимъ изъ нихъ, Амадисомъ Гальскимъ. На этого знаменитаго родоначальника испанской рыцарской романтики онъ обращаетъ особенное вниманіе и заставляетъ своего рыцаря пародировать его даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. Такъ: имѣя въ виду, что Амадисъ носить названіе Гальскаго и герой Сервантеса, измѣнивъ свое первоначальное имя, Кихада, на болѣе звучное—Донъ-Кихота, прибавилъ къ нему еще прозваніе Ламанскаго²⁾. Въ подраженіе Амадису, подарившему своему оруженосцу островъ Твердый, Донъ-Кихоть также общается

¹⁾ Донъ-Кихоть I т. 77 стр.

²⁾ Донъ-Кихоть I т. 8 стр.

сопровождающему его Санчо-Пансѣ губернаторство на островѣ, когда самъ завоюетъ королевство ¹⁾). Отправивъ своего оруженосца съ посланіемъ къ Дульциноѣ и оставаясь одинокимъ въ горахъ Сьерры-Морены, герой Сервантеса впадаетъ въ раздумье: подражать-ли ему разрушительнымъ безумствамъ Роланда, или же напустить на себя трогательную меланхолю Амадиса. Рѣшивъ, наконецъ, послѣднее, онъ восклицаетъ: „пусть же будетъ слава на память Амадиса, и да подражаетъ ему во всемъ, въ чемъ только можно, Донъ-Кихотъ Ламанчскій“ ²⁾). Однимъ словомъ, въ романѣ Сервантеса находится такое множество указаній на важнѣйшія произведенія рыцарской романтики и такъ часто разговоры и происшествія въ немъ развиваются изъ счастливаго имъ подражанія или изъ ироническаго ихъ освѣщенія, что Дюнлопъ даже считаетъ „отчасти не искренними тѣхъ, которые не знакомы съ этимъ родомъ произведеній и однакоже находятъ большое удовольствіе въ приключеніяхъ Донъ-Кихота“ ³⁾).

Пародируя подобнымъ образомъ важнѣйшія произведенія рыцарской романтики, Сервантесъ не могъ, конечно, не коснуться въ своемъ романѣ той ихъ существенной стороны, которая не только является общею имъ всѣмъ, но и составляетъ главнѣйшую пружину всего ихъ эпическаго механизма. Мы разумѣемъ здѣсь то условное и до крайности утрированное служеніе дамамъ, которое представляется едвали не самою характеристическою особенностію средневѣковаго рыцарства.—Извѣстно, что въ романтизмѣ женщина занимаетъ, вообще, совсѣмъ другое положеніе сравнительно съ тѣмъ, какимъ она пользовалась въ классическомъ мірѣ. Христіанство, будучи религіей покорности и смиренія, возвысило и идеализировало женщину, какъ естественную представительницу этихъ нравственныхъ совершенствъ. Отсюда романтизмъ рассматриваетъ любовь къ ней какъ состояніе духовнаго восторга, совершенно чуждое того жалкаго значенія животнаго инстинкта, которое было господствующимъ въ древности.—Въ рыцарствѣ, однакожъ,

¹⁾ Донъ-Кихота I ч. 468 стр.

²⁾ Довъ-Кихотъ I ч. 206 стр.

³⁾ Dunlop. Geschichte d. Prosadichtungen p. 332.

это идеальное почитаніе женщины, вызванное особенностями въ духовномъ настроеніи новаго міра, скоро получило своеобразный и совершенно исключительный характеръ. Изъ всеобщей обязанности оно превратилось здѣсь въ пустую и совершенно внѣшнюю прикрасу рыцарства, проявляясь въ служеніи одной лишь избранной дамѣ, для прославленія которой и совершались различные воинскіе подвиги. Изъ него образовалась здѣсь какъ бы особаго рода мода, которой обязанъ былъ слѣдовать всякій рыцарь безъ малѣйшей искры сердечнаго чувства, исполняя лишь разъ на всегда установленный обычай. Возникли даже особая, строго различаемыя четыре ступени рыцарскаго служенія дамамъ, хотя въ жизни, у семейнаго очага тяжелая доля женщины отъ этого вовсе не становилась лучшею, а скорѣе даже худшею; потому что опьяненный восторгомъ человѣкъ не могъ, вѣдь, такъ легко оторваться отъ избранной имъ дамы сердца, чтобы затѣмъ свободно перейти къ презаческой семейной дѣйствительности.

Вотъ эту, именно, напускную и совершенно условную фальшь средневѣковой рыцарской романтики и осмѣиваетъ въ своемъ произведеніи Сервантесъ, изображая съ удивительнымъ юморомъ рыцарское служеніе Донъ-Кихота измышленной имъ Дульцинеѣ Тобозской. — Прежде чѣмъ выѣхать на искательство приключеній, Донъ-Кихоть, какъ извѣстно, представляется у него озабоченнымъ тѣмъ, чтобы придумать себѣ даму. По его мнѣнію, „странствующій рыцарь безъ дамы—нѣчто совершенно немислимое. Рыцарю такъ же свойственно быть влюбленнымъ, какъ небесамъ покрываться звѣздами“¹⁾... „Отнять у рыцаря даму“, говоритъ онъ, „это все равно, что лишить его глазъ, которыми онъ смотритъ, лишить озаряющаго солнца и питающаго его вещества... безъ дамы онъ подобенъ дереву безъ листьевъ, зданію безъ фундамента, тѣни безъ предмета, кидающаго ее отъ себя“²⁾. Создавъ себѣ, наконецъ, фикцію подъ громкимъ именемъ Дульцинеи Тобозской, Донъ-Кихоть, именно, въ честь ея совершаетъ различные подвиги, дѣлая предъ каждымъ изъ нихъ, на подобіе героевъ

¹⁾ Донъ-Кихоть. I ч. 80 стр.

²⁾ Донъ-Кихоть II ч. 246 стр.

рыцарскихъ романовъ, краснорѣчивыя воззванія къ своей дамѣ. Онъ самъ сознается Санчо Пансѣ, что „никогда не видѣлъ очаровательной Дульцинеи, никогда не переступалъ порога ея дворца, и если влюбленъ въ нее, то только по наслышкѣ, по той молвѣ, которая ходитъ объ ея умѣ и красотѣ“¹⁾. Мало того: въ разговорѣ съ герцогиней, онъ даже не увѣренъ въ самомъ ея существованіи. „Одинъ Богъ знаетъ“, говоритъ онъ, „есть ли на свѣтѣ Дульцинея! Существуетъ ли она въ дѣйствительности, или только въ воображеніи, — это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, до окончательнаго разрѣшенія которыхъ не слѣдуетъ доходить“²⁾... И, однакожъ, это не мѣшаетъ Донъ-Кихоту при всякомъ удобномъ случаѣ изображать несравненную красоту своей дамы, вспоминая, конечно, при этомъ вычитанное имъ изъ рыцарскихъ исторій. По его словамъ, „она олицетворяетъ собою все, чѣмъ фантазія поэтовъ надѣляетъ ихъ героинь. Волосы ея, это нити изъ золота, брови подобны радугамъ. чело—елисейскимъ полямъ; ея розовыя щеки, кораловыя губы, солнцу подобныя глаза, жемчужные зубы, алебастровая шея... ставятъ ее внѣ всякихъ сравненій“³⁾. О томъ какъ Донъ-Кихотъ постоянно изнываетъ по своей дамѣ, жалуясь на ея жестокость; какъ онъ посылаетъ къ ней съ поклономъ своего оруженосца, а злые волшебники превратили ее, между тѣмъ, въ пошлую и грубую крестьянку; какимъ рыцаремъ вѣрности онъ является, отказываясь отъ брака на принцессѣ Микомиконъ, сулящаго ему обладаніе королевствомъ; какъ онъ уклоняется по той же причинѣ отъ всѣхъ прельщеній Альтизидоры въ замкѣ герцога и, наконецъ, съ какими слезными мольбами пристааетъ онъ къ Санчо Пансѣ, чтобы тотъ влѣпилъ себѣ три тысячи триста плетей, потребныхъ для разочарованія заколдованной Дульцинеи, — о всемъ этомъ съ неподрожаемымъ комизмомъ повѣствуетъ Сервантесъ въ обѣихъ частяхъ своего романа, доводя здѣсь свою пародію на рыцарскія исторіи до чрезвычайной мѣткой и совершенно уничтожающей сатиры.

Но, какъ бы не довольствуясь всѣмъ этимъ, Сервантесъ

¹⁾ Донъ-Кихотъ. II ч. 64 стр.

²⁾ Донъ-Кихотъ. II ч. 246 стр.

³⁾ Донъ-Кихотъ, I ч. 81 стр.

нерѣдко пускаетъ въ ходъ въ своемъ романѣ и открытыя, болѣе или менѣе ѣдкія нападки противъ рыцарскихъ книгъ, пользуясь для этого отдѣльными въ немъ сценами, или же искусно вплетая ихъ въ разговоры дѣйствующихъ лицъ. Такъ: при очищеніи, на примѣръ, библиотеки Донъ-Кихота, онъ устраиваетъ какъ-бы родъ судебного трибунала, на которомъ заставляетъ священника изрекать краткіе, но очень мѣткіе приговоры о подаваемыхъ ему циркульникомъ рыцарскихъ книгахъ ¹⁾. Достояна замѣчанія у него въ этомъ отношеніи и та бесѣда, которую ведетъ священникъ со встрѣтившимися ему на пути просвѣщеннымъ каноникомъ и въ которой этотъ послѣдній разражается настоящей филиппикой противъ уродливости поэтического изобрѣтенія, господствующаго въ рыцарскихъ романахъ ²⁾. Но едвали не самое характеристическое мѣсто въ этомъ родѣ представляетъ у него слѣдующее увѣщаніе того же каноника, обращенное къ Донъ-Кихоту: „Возможное ли дѣло, господинъ гидальго, чтобы чтеніе пустыхъ и нелѣпыхъ рыцарскихъ книгъ могло оказать такое пагубное вліяніе на вашу голову? Вы воображаете, будто вы очарованы и убѣждены во многихъ другихъ нелѣпостяхъ, правдоподобныхъ, какъ ложь. Не понимаю какъ можетъ существовать на свѣтѣ такой легковѣрный человекъ, который въ состояніи вѣрить существованію цѣлой кучи Амадисовъ и всему этому безконечному числу знаменитыхъ странствующихъ рыцарей? Можно ли вѣрить, чтобы на свѣтѣ существовало столько трезибондскихъ императоровъ, столько Феликсовъ Гирканскихъ, столько коней и иноходцевъ, столько странствующихъ дѣвъ, столько змѣй и драконовъ, столько адриакъ, столько великановъ, столько неслыханныхъ приключеній, столько очарованій, столько битвъ, столько ужасныхъ встрѣчъ, столько нарядовъ и костюмовъ, столько влюбленныхъ принцевъ, столько оруженосцевъ, сдѣлавшихся графами, столько краснобаевъ-карловъ, столько любовныхъ писемъ, столько любезностей, столько знаменитыхъ воиновъ и, наконецъ, столько сумасбродствъ, сколько находится въ рыцарскихъ книгахъ. Онѣ, признаюсь, нѣсколько интересуютъ меня до

¹⁾ Донъ-Кихотъ, I ч. 35—40 стр.

²⁾ Донъ-Кихотъ, I ч. 444 стр.

тѣхъ поръ, пока умъ не напомнить, что я читаю ложь и чепуху; тогда лучшую изъ нихъ я швыряю въ стѣну, и швырнулъ бы въ огонь, если бы возлѣ меня лежала горячая головня. Онѣ достойны этого за свое презрѣніе ко всему, что сколько нибудь естественно и натурально, за распространеніе вредныхъ идей, за изобрѣтеніе новаго образа жизни, за то, что заставляютъ невѣжественную массу вѣрить себѣ и считать правдой всю ту галиматью, которой онѣ наполнены“¹⁾).

Наконецъ даже внѣшнюю форму повѣствованія въ рыцарскихъ исторіяхъ Сервантесъ не оставляетъ безъ вниманія и остроумно издѣвается надъ обычною въ нихъ нестройностію вымысловъ и грубою напыщенностію стиля. „Я не читалъ еще такой рыцарской книги“, говоритъ у него, напримѣръ, каноникъ въ вышеупомянутой бесѣдѣ, — „всѣ части которой составляли бы одно тѣло, въ которой середина соотвѣтствовала бы началу, и конецъ отвѣчалъ началу и серединѣ. Напротивъ того, творцы этихъ произведеній составляютъ ихъ изъ такихъ разнородныхъ и разрозненныхъ кусковъ, какъ будто нарочно хотятъ воспроизвести уродъ, а не стройный образъ. Кромѣ того, слогъ ихъ шероховатъ и грубъ: сцены любви не благопристойны, возносимые ими подвиги преувеличены, описанія битвъ растянуты и тяжелы, а путешествія нелѣпы и сумасбродны; въ разговорѣ просвѣчиваетъ вся умственная скудость ихъ авторовъ, лишенныхъ всякой художественной мѣры и искры живой творческой силы, а потому вполне достойныхъ быть изгнанными изъ любого христіанскаго общества, какъ праздные и опасные люди“²⁾). Какъ образецъ слога, употребительнаго въ рыцарскихъ романахъ, самъ Сервантесъ приводитъ слѣдующія цитаты изъ Фелиціана Сильвы, въ родѣ тѣхъ, которыми такъ восхищался Донъ-Кихоть и отъ которыхъ у него, по выраженію поэта, „заходилъ умъ за разумъ“: сужденія, которыми вы осуждаете мои разсужденія, въ такой мѣрѣ вліяютъ на мои сужденія, что я безъ разсужденія осуждаю вашу красоту“; или: „высокія небеса, божественно вашу божественность при посредствѣ звѣздъ

¹⁾ Донъ-Кихоть, I ч. 458 стр.

²⁾ Донъ-Кихоть, I ч. 445 стр.

утверждающія, сдѣлываютъ васъ достойными достоинствъ, достойныхъ вашего величія“¹⁾).

Понятно, что при такой всесторонней и въ высшей степени мѣткой сатирѣ и впечатлѣніе, произведенное романомъ Сервантеса на современниковъ, было чрезвычайно сильное. Уже въ 1606 году въ одной только Испаніи онъ выдержалъ четыре изданія. Во второй части „Донъ-Кихота“ Сервантесъ свидѣтельствуетъ, что первая часть его разошлась къ этому времени въ количествѣ тридцати тысячъ экземпляровъ, при чемъ онъ выражаетъ надежду, что „ее отпечатаютъ еще по тридцати тысячъ томовъ, тридцать тысячъ разъ“²⁾). Но ничто такъ не доказываетъ широкой популярности „Донъ-Кихота“ въ различныхъ слояхъ современнаго общества, какъ слѣдующій анекдотъ, относящійся къ первому времени его распространенія: однажды король Филиппъ III увидѣлъ съ балкона своего дворца молодого человѣка, прогуливавшагося по лугамъ Манзанареса и читавшаго книгу; почти каждую минуту онъ останавливался, подпрыгивалъ, размахивалъ руками и разражался громкимъ смѣхомъ. Король, наблюдавшій все это, замѣтилъ: „навѣрно, этотъ молодой человѣкъ или сумасшедшій, или же читаетъ „Донъ-Кихота““.

Неудивительно, что при такой популярности романъ Сервантеса оказалъ могущественное дѣйствіе на умы. Въ этомъ отношеніи поэтъ вполнѣ достигъ своей цѣли и съ появленіемъ его „Донъ-Кихота“ не было уже вновь написано въ Испаніи ни одного рыцарскаго романа. Мало того: даже бывшія до того времени въ ходу рыцарскія исторіи съ разу потеряли въ публикѣ свой прежній кредитъ и, за двумя или тремя исключеніями, не перепечатывались болѣе. Съ тѣхъ поръ они стали здѣсь литературною рѣдкостію и, по замѣчанію Тикнора, представляютъ намъ „единственный въ своемъ родѣ примѣръ силы геніальнаго ума, который однимъ хорошо разсчитаннымъ ударомъ уничтожаетъ цѣлую цвѣтущую и популярную область литературы великой и гордой націи“³⁾.

I. Татарскій.

(Окончаніе слѣдуетъ)

¹⁾ Донъ-Кихотъ, I ч. 4 стр.

²⁾ Донъ-Кихотъ, II ч. 112 стр.

³⁾ Тикноръ: ист. исп. литер. II ч. 126 стр.